

Глава 2. Божественное Промышление и свободная воля

Христианское учение о Божественном Промысле делает судьбу человека акосмичной. Человек имеет возможность вырваться из тиранических оков «кожаных ризь», в которые он облечён. Человек не часть вселенной, но в то же время он родственен ей по своей плоти, по своей бытийственной принадлежности, в то время как его душа есть «Образъ Бжій», самое высокое из творений. Отсюда, человеческое бытие имеет двойственное состояние, противопоставленное одно другому — это естественное падшее состояние и состояние соединения с благодатью, которое было утеряно, и которое необходимо вернуть человеку. В этом конечном преобразении человека и всего искажённого сущего заключается таинственный смысл промыслительных действий Творца. Падшее и извращённое состояние сущего, в которое погружён человек, не позволяет ему достичь Творца собственными силами. Причины этой невозможности в том, что человек, несмотря на высоту своего положения, существо тварное. Человек совершил по собственному волеию первородный грех, чем разорвал всякую связь с Богом.

С одной стороны, человек есть существо греховное и нуждающееся в искуплении своего греха. Человек почти отпал от Бога, и он должен смириться под гнетом довлеющей природы. Но в своей изначальной сути, человек есть существо, сотворенное Богом по Его образу и подобию. Более того, Бог становится человеком и этим освобождает человеческую природу от плена косной плоти. То, что Бог воплотился в человека, вновь возвращает человеку утерянную связь для вечной жизни с Богом. Отсюда двойственность человеческого самосознания и возможность говорить о человеке в терминах полярно противоположных. Человек осознаёт себя высоким и низким, свободным существом и рабом необходимости, принадлежащим вечности и находящимся во власти смертоносного и разлагающего потока времени.

В основе самосознания человека всегда лежало два противоположных чувства — чувство подавленности и угнетенности человека в физическом космосе, который часто становится «смертельным жилищем», и восстание человека против этой подавленности и необходимости, возможность возвышения и преодоления дурной и ограниченной самости. Человек вновь, после долгих скитаний, встречается с Богом. Человек опять стал соединяющей связью между небом и землей. Воплощение Бога Слова вырвало человека из-под гнёта небес, освободило от власти космических сил, от духов и демонов природы и подчинило его непосредственно Богу. Подавленность человека, сознающего себя существом падшим и греховным, одинаково могло принимать форму монизма или дуализма. Находясь в полной зависимости от природы человек, был унижен как существо греховное и ничтожное.

Человек, безусловно, принадлежит и природному миру, в нем весь состав чувственного бытия, вплоть до физико-химических процессов. Во многом человек зависит от низших уровней вещества. Но в человеке есть начало, превышающий природный мир. Человеческое тело так же неотъемлемо принадлежит личности, образу Божьему в человеке, как и душа. Духовное начало одухотворяет, и душу, и тело человека. Тело человека, путем внутреннего подвига, может стать духовным телом, не переставая оставаться телом. Вечным началом в теле является не его материальный биологический состав и тип, а его форма. Без этой формы нет общего целостного образа личности человека. Плоть и кровь не наследуют вечной жизни, — то есть вещественности нашего падшего мира нет продолжения, будущее наследует только одухотворённая телесная форма. Должен преобразится весь человек в единстве души и тела. Определяющим началом в этой духовной трансфигурации всегда выступает душа. В христианском богословии человеческая душа — это «образ и подобие» Бога.

Античная философия всегда помещала высший элемент человеческого существования в разуме. Для эллинов важен был не дух, а разум, интеллектуальное постижение. Аристотель предложил определение человека как разумного животного. Если высшее начало человека находится в разуме, то он может быть познаваем как объект или как один из объектов в мире объектов. Тогда он исследуется антропологическими науками — биологией, социологией, психологией, человеческая жизнь тогда подвергается научному или магическому анализу. При таком подходе к человеку, возможно, исследовать лишь те или иные стороны человека, но человек целостный и духовный в своей глубине и в своем внутреннем состоянии неуловим.

По христианскому учению разум человека тесно связан со свободной волей. Разуму принадлежит созерцательная и практическая способности. Созерцательная способность называется умом, а практическая зовется разумом. Человек обладает возможностью осмысления, или как писал св. Максим Исповедник — возможностью «совещания», и потому является господином своих действий. Человек самопроизволен и изменчив: изменчив, поскольку рожден, самопроизволен вследствие того, что разумен. Если человек был бы создан невосприимчивым ни к одному из пороков и не имел бы свободы воли, то тогда бы он был неразумен, как неразумно неподвижно низшее, косное вещество. Свобода воли всегда подразумевает разум. Всякая разумная природа по необходимости самопроизвольна, а потому склонна к изменению и движению. Поэтому человек по природе изменчив, что предполагает изменчивость природы бытийственного и нравственного выбора.

Св. Максим учил, что воля человеческая есть природная сила, связанная с разумом. Человек по природе разумен, а разумная природа обладает самопроизвольностью, и, следовательно, свободой. Свобода есть определение воли, воля может быть там, где есть свобода. Поэтому, обладая волей и свободой, человек может управлять природой. Для существ лишенных воли основным движущим началом является сама природа, ее инстинкты и законы. Если нет свободы, то нет и разума, нет разума — нет и движения; всё сущее тогда становится неразличимым и неопределённым, всё растворяется в бездне безликого покоя. Разум без свободы есть уже не разум, а зеркало, отражающее в себе только видимые, но непонятные образы. Без «воления» разум исчезает, перестаёт «двигаться», а, следовательно, мыслить. Поэтому свободная воля, составляет необходимое и принципиальное свойство всякой духовно-разумной природы. Без свободы воли разум уже не разум, а природный инстинкт, подчиненный беспощадным законам физического рока.

Человек не принадлежит целиком объективному миру, он имеет свой собственный мир, своё внемирное существование, свою несоизмеримую с физической природой судьбу. Эллинская мудрость учила, что бытие соответствует законам разума. Разум может познавать бытие, потому что бытие сообразно разуму, разделение между ними только иерархическое. Субстанция разума заключена в природном мире, при этом Бог и человек были совершенно разорваны и разделены бытийственной бездной. Учение Аристотеля об иерархии и одноприродности бытия нашло своё развитие в средневековой схоластике. Учение Фомы Аквинского есть красочный пример понимания человеческой личности как ступени в иерархической космической системе. У Аквината человеческая личность занимает среднее положение между животным и ангелом.

Человек есть существо, способное возвыситься над собой, и это возвышение над собой, трансцендирование себя, выход за замкнутые пределы самого себя есть творческий акт человека. В христианстве человек осознает себя не только природным существом, но и духовной личностью. Личность существует в духовном мире, но она не принадлежит современной природной иерархии и не может быть в нее полностью помещена. Духовный мир нельзя мыслить как часть иерархической космической системы. Личность может быть характеризована по целому ряду признаков, которые между собой связаны. Личность есть неизменность в изменении. Субъект изменения всегда остается одним и тем же лицом.

Для личности разрушительно, если она застывает, останавливается в своем духовном развитии, не возрастает, не обогащается, не творит новой жизни. И так же разрушительно для неё, если трансформирование в ней есть неверность собственному образу, имеющему основу в Боге. Если личность перестает быть самой собой, то человеческое лицо исчезает, становится лицом животного, а затем и вовсе растворяется в природной необходимости.

Вместе с тем личность есть единство, соединяющее множественность. Личность не составляется механически из частей. Она имеет сложный многообразный состав, всю сложность которого объединяет неуловимое духовное начало. Целое начало в личности всегда предшествует частям и главенствует над ними. Весь сложный духовный, душевный и телесный состав человека представляет единую сущность. Определяющим моментом для личности всегда предполагается наличие и существование сверхличного. Это высшее начало превосходит личность, более того оно преобразует личность, лишь в том случае, если личность верит и ощущает свою свободу. Человеческой личности нет, если нет начала, стоящего выше ее. Тогда есть лишь индивидуум, подчиненный роду и обществу, тогда природа стоит выше человека, и он есть лишь ее небольшая и часто нелепая часть.

Аскетическая практика христианства учит, что есть «внутренний» и «внешний» человек. «Внутренний» человек всегда сопротивляется дурной законоположенности собственного несовершенства и несовершенства природы и общества. Он всегда самоопределяется изнутри, из глубин собственного духа: «Из глубины возвах к Тебе Господи»¹. Внешне такой «внутренний» человек «тихъ со всѣми». «Внутренний» человек осознает свое несовершенство, порочность своего личного и общественного бытия, поэтому все свое существование он пытается направить в «горній области». «Внутренний» человек не связан с границей, с конечностью, с определением, закрывающим беспредельность. Он сочетает в себе конечное существование и бесконечное бытие. Он выходит за установленные пределы, при этом, не смешиваясь и не растворяясь. Он проходит целые миры и выходит из них, оставаясь собой.

«Внешний» человек, наоборот, очень поверхностен, он может производить впечатление большой активности, но в своей глубине он уже не имеет собственной личности. Его душа всегда законоположена извне внешними и порочными обстоятельствами. Как правило, такой человек полный прагматик, прикрывающейся красивой фразой или, наоборот, его детерминированность выражается в крайних формах фанатизма и изуверства во всяком духовном или интеллектуальном пространстве. Для него нет сверхличного, есть только небесная сфера, красоту которой он уже не понимает, но принимает её необходимость. Поэтому такой человек видит во всем практический интерес, он верит во всемогущество науки и всемогущество магии, как инструментов управления большим космическим механизмом. «Внешний» человек побеждает в конце времен, он отказывается от своей внутренней свободы, путь его осуществления лежит по направлению от сверхсознательного к полному бессознательному. В конечном итоге, такой человек растворяется в безличном, исчезает в беспредельности и бесконечности. Такого человека ныне мы видим повсюду — это гражданин нашего современного антихристового царства.

Христианский провиденциализм освобождает человека, а через него и весь космос от условий необходимости физического мира и связанных с ним обстоятельств неких надчеловеческих ценностей, располагающихся в небесной сфере. Через Бога Слово человек освобождается от своей внутренней законоположенности, он становится свободным от груза беспощадного прошлого.

Языческий мир не смог согласовать абсолютность Божьей воли с нравственным самоопределением человека. В язычестве отсутствует понятие свободы воли, есть только необходимость и покорность. Человек раб бытия, а не раб Бога, он брошен среди

---

¹ В каббалистической трактовке псалма 130, 1, это выражение понималось не как «я зываю к Тебе, Господи из глубины (где я пребываю)», но как «из глубины (в которой Ты пребываешь) я Тебя зываю». (Зогар, II, 63b и III, 69b).

бескрайних космических просторов, которые не оставляют для него выбора. В христианстве принцип свободы воли выражается в понятиях Божественного предопределения и Божественной благодати.

В святоотеческом изложении человеческие действия не могут быть приписаны ни Богу, ни необходимости, ни фатуму, ни природе, ни счастью, ни случаю. Человек имеет способность самоопределения. Способность обсуждения или совещания своего выбора, присущая человеку и предваряющая всякий выбор, доказывает его свободу, так как в противном случае они не имел бы никакого смысла. В человеческой власти находится все совершаемое добровольно, все действия, за которыми следуют похвала или порицание, причем выбор делает наш ум, который и есть начало действия. Границей для человеческой свободной воли является воля Провидения, от которой зависит исход наших действий, но выбор этих действий всецело в нашей власти. Этот выбор есть начало всякого добродетельного и порочного действия, и — потому обсуждается как само действие.

Святой Иоанн Дамаскин утверждает, что Божественная благодать предваряет человека на пути свободного следования добродетели. Свобода есть следствие разумности человека, она тесно и необходимо соединена с разумом. Бог создал человека свободным потому, что от природы наделил его разумом. Человек разумен и потому — самопроизволен, и является господином действий, которые он выбирает через обсуждение. В христианстве Разум ограничен не ограниченностью бытия, а Божественным Провидением, выводящим человека из-под влияния безжалостной необходимости. Разум в христианском богословии всегда связан с волей

Святой Максим Исповедник определяет «природную волю» как «силу (способность) стремления к сообразному с природой, обнимающую собой все свойства, существенно принадлежащие природе»². Св. Максим считал, что свободная воля дана человеку как существу разумному от рождения, потому воля есть свойство природы, а не принадлежность лица. Существа различные по природе, различны и по воле, которая у всех не одна и та же. Сам волевой акт состоит из обсуждения или совещания или выбора и непосредственно самого действия или исполнения. Св. отцы считают обсуждение и выбор свободными актами нашей воли, относя их к тому, что в нашей человеческой власти.

Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин и Мелетий говорят, что совещание или обсуждение бывает только относительно того, что находится нашей власти и имеет неизвестный исход или определяет, что могут произойти одинаковые последствия в ту и другую сторону. Иоанн Дамаскин устанавливает, что понятие «выбора» гораздо уже понятия «произвольного». Всё, совершаемое по выбору, произвольно, но не всё добровольное или произвольное совершается по выбору. Выбору непременно должно предшествовать обсуждение, если оно не предшествует, то действие свершается не по выбору, хотя и остается добровольным. Отсюда «совещание» в человеческом смысле не свойственно Богу, так как Ему чуждо какое бы то ни было неведение, и Он всё знает наперёд³. Подобное мнение как бы выводит понятие о Боге из-под влияния всякой детерминации и определяет абсолютную свободу Бога.

«Не сътъ во совѣти мои, такоже совѣти ваши, ни тако пѣтїе ваши, пѣтїе мои, глѣтъ гдѣ. но елико ѿстоитъ нѣо ѿ земли, тако ѿстоитъ пѣть мои пѣтей вашихъ и разѹми ваши ѿ разѹма моего»⁴.

«Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но, как небо выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших».

Христианское учение о свободе воли впервые было проявлено в полемики против пелагианской ереси. Пелагий утверждал возможность человека спастись своими

² Maxim. Ad Marin. (Migne, T. 91), col. 12 C.

³ Дамаскин «Точное изложение» С. 99.

⁴ Ис. 55. 8-9.

собственными силами. Благодать Божия не есть необходимое условие спасения, её роль сводится Пелагием лишь к украшению добродетельной жизни. Грех не изменяет природу человека, поскольку не имеет положительного содержания и потому он чисто отрицателен.

Бог, учил Пелагий, не требует от человека невозможного, поэтому для каждого индивидуума возможно быть безгрешным. Поскольку человеческая природа остается неизменно и после грехопадения, по Пелагию, не существует никакого наследуемого первородного греха. Последний есть лишь дурной пример, поданный Адамом человечеству. Всякий же грех, по существу, индивидуален. Таким образом, по Пелагию, человек всегда существенно (сущностно) свободен. Именно в этом следует видеть влияние Оригена, утверждавшего, что как раз свобода воли человека есть неискоренимая субстанция в человеке, которая не уничтожается ни грехом, ни спасением. После греха обязательно следует всеобщее спасение, а после спасения происходит новое воплощение души. Сама же свобода понимается в пелагианстве как свобода «принимать любую сторону».

В этом контексте Пелагий сравнивал волю человека с плодоносным корнем, могущем произвести либо цвет добродетели, либо тернии порока. Но если грех не портит природы, значит, воля и проистекающее из неё действие акциденциальны, субстанция же лежит глубже, представляет из себя нечто иное. Вопрос о воле, таким образом, вызывает вопрос о субстанциональной природе человека. По учению Оригена, души сотворены бессмертными, поскольку Бог «... сотворил всё для бытия, но созданное для бытия не может не быть». Однако вечное пребывание человека в бытии мыслимо только, если в его природе присутствует Сам Бог. Ранний христианский апологет II века, Феофил Антиохийский писал по этому поводу, что «если бы Бог сотворил его человека бессмертным, то сделал бы его Богом...». А поскольку для Оригена и Пелагия человек бессмертен, то его субстанция — вовсе не ничто, а Сам Бог. Именно поэтому, по Оригену, в глубине человеческой природы всегда «обитает Бог». Таким образом, пелагианство основано на признании субстанционального единства человека и Бога. Парадигма Оригена — Пелагия — в рассмотрении свободы человека проистекает из акцентирования аспекта имманентности Бога при затемнении его запредельности, трансцендентности.

Блаженный Августин, полемизируя против Пелагия, признаёт неотъемлемую свободу человеческой воли, без чего было бы невозможно вменять человеку никакого поступка. Августин вносит признак свободы в самое определение воли, как движения духа, никем не принуждаемого и направленного к сохранению чего-либо. Все единичные и частные предметы воли могут быть сведены к одному всеобщему — благополучию или блаженству. Всякой человеческой воле, по существу неотъемлемой, принадлежит и свобода, в смысле психической самостоятельности самого акта желания и единство общей окончательной цели.

От этой естественной или психологической свободы составляющей общую форму воли, Августин отличает свободу по отношению к нравственному содержанию и качеству воли, то есть свободу от греха. Здесь он различает невозможность грешить, свойственную только Богу (*libertas maior*), и возможность не грешить или свободный выбор между добром и злом (*libertas minor*). Этот выбор принадлежал первому человеку до грехопадения, но через волю ко злу или желание зла он потерял возможность добра. Человек стал ограничен невозможностью не грешить, у него осталась свобода к одному только злу. Человек попадает под необходимость зла. Невозможность совершать добро стало действительным состоянием человеческой воли после грехопадения, когда воля представлена самой себе. Таким образом, добро возможно для человека лишь действием божественного начала, проявляющегося в человеке и через него, но не от него. Такое действие называется благодатью. Собственными силами человек не может не только делать добро, но и желать или искать его. Человеческая воля всегда сопротивляется благодати и должна быть ею преодолеваема. «Когда защищаешь свободу воли, то кажется,

что отрицаешь благодать Божию, а когда утверждаешь благодать, то кажется, что упраздняешь свободу».

По учению Лютера свобода воли есть вымысел или пустое название без действительного предмета «Бог ничего не предугадывает случайным образом, но все неизменной, вечной и безошибочной волей предусматривает. Предустановляет и исполняет. Этой молнией повергается и совершенно стирается свобода воли. Отсюда непреложно следует: всё, что мы делаем, всё, что происходит, хотя и кажется нам случайным и отменимым, воистину, однако, совершается необходимо и неизменно, если смотреть на волю Божию»⁵. Этим не упраздняется воля, потому, что абсолютная необходимость не есть то же, что внешнее принуждение. Мы сами, непринужденно, хотим и действуем, но по определению высшей, абсолютной необходимости. Мы бежим сами, но лишь туда, куда правит наш всадник — или Бог, или дьявол. Предписания и увещания закона, гражданского и нравственного, показывают, по Лютеру, то, что мы должны, а не то, что мы можем делать. Лютер утверждал, что Бог производит в людях как добро, так и зло. Он нас спасает без нашей заслуги, так и осуждает без нашей вины. Кальвин утверждал, что «воля Божия есть необходимость вещей».

Свобода человека ограничена лишь полной свободой Бога. Ограниченность человеческого познания проявляется тогда, когда он пытается осмыслить Вечность. Человек не может постигнуть единого начала, если он пытается уловить распростёртую и непреходящую Божественную жизнь, которая по сути безначальна. Возможно понять только внешнее бытие и нисходящую Божественную жизнь в виде нетварных действий или энергий. Осмысливая грядущее, возможно увидеть вечность Божественной Жизни. Божественная деятельность устанавливается как неопределимое и бесконечное в эмпирическом и рациональном смыслах. Человек не может постичь ни чувствами, ни разумом тех или иных проявлений Божества. Отсюда нетленное и нескончаемое проявление нетварных энергий во вселенском веществе. Божественная вечность складывается от высшего времени как безначальное, а от вещественного измерения как бессмертное.

«Таковъ же Бгъ единъ, егда ѿбо в горнаа вѣки помыслъ възидемъ и ако в пѣчинѣ много распростертѣю, в непроходимое Бжїе жизни, и славы приникше ни единого начала от Него же възистъ прїати се могоще но разѹмѣваемаго внѣшнѣйшѣ быти присно и пренспадающѣю Бжїю жизнь разѹмѣюще. Еже не имѣти начала възгнїю безначально нарекохомъ. Егда же на градѹщїа вѣки ѹм простремъ, и видимъ ако ни единъимъ концемъ Бжїа жизнь опредѣллетса не опредѣлаемо и неискѹсно, и ни единъимъ кончанїемъ постижимо, наречемъ нетлѣнно и некончаемо, егда же совокѹпимъ отъ горнаго лѣта безначалное, отъ долнаго же безъ смертное, тогда именѣемъ Бжство вѣчно. При Бзѣ во вѣкъ, ниже лѣто есть, ниже мѣрамъ лѣтнимъ подлѣжитъ рекше днѣмъ и мсѣемъ, но

«Таков Бог единый, что когда в вышние [Божественные] веки вознесемся мыслью, и как в пучину бесконечно распространённую. Вникнем в недоступность Божественной силы и славы, и не сможем понять ни одного начала от Нее. Но только представляем себе, что [Начала] существует во внешнем [сотворённом] вечно, и разумеем ниспадающую Божественную жизнь, чтобы тем самым не называть бытие безначальным. Когда же на будущее [мира] направим свой ум, увидим, Божия жизнь не определяется ни единым концом. Неопределима и проста, и ни одним свершением непостижима. Назовем её [Божественную Жизнь] нетленной и бесконечной. Когда совместим от Божественного времени безначальное, от сотворённого бессмертное, тогда именуем

⁵ De servo arbitrio. Роттердам, 1526.

также намъ снѣже мѣритса
обхожденіемъ.. Сице и в прѣносѣційхъ
прѣсѣщное распростертїе неискѣсно
вѣкъ прѣсѣщїемъ есть, ако же нѣкое
лѣтнїе движенїе, и растоанїе».

Божество вечным. При Боге век не
есть время, которое подлежит
годовым сменам, дней и месяцев,
как для нас оно измеряется
солнечным обхождением. Так в
вечно существующих вечно сущее
распространено просто. Век вечно
существующий есть как некоторое
временное движение и расстояние».

При Боге век не измеряется временем, как периодом продолжительности существования тех или иных объектно-предметных структур. Божественная вечность не измеряется дневными и месячными циклами, не устанавливается неизменным течением звѣздных сфер, в то время как для человека, для которого главной мерой является время, воплощенное в солнечном течении. Иллюзия того, что человеческое пребывание временно и скоротечно, а небесное течение звездных сфер неизменно и вечно, приводила к обожествлению космоса. Звѣзды и планеты как высшие начала бытия считались одушевленными и устанавливали земные судьбы.

Учение о божественности и разумности мира вслед за эллинскими мудрецами принял Ориген. Истолковывая библейское выражение «и звѣзды нечисты суть пред Ним»⁶, Ориген писал: «Итак, мы думаем, что светила можно считать одушевленными, на основании того соображения, что они, по словам Писания, получают заповеди от Бога, а это получение заповедей может относиться только к разумным одушевленным существам. Бог же так говорит: «Я предписал заповедь всем звѣздам»... это заповеди, касающиеся того, чтобы каждая звезда, в своем порядке и в своих движениях, давала миру определенное количество света, ведь иным порядком движутся так называемые планеты, и иным — светила, называемые неподвижными... Но при этом совершенно ясно, что ни движение тела не может совершаться без души, ни существа одушевленные не могут находиться в какое-либо время без движения. А звѣзды движутся в таком порядке и так правильно, что никогда не бывает заметно совершенно никакого замешательства в их движениях, ввиду этого было бы, конечно, крайней глупостью говорить, что такой порядок, такое соблюдение правильности и меры выполняются неразумными существами или требуются от них». Учение о разумности и одушевленности небесных тел привело Оригена к выводу, что и «человеческая душа, которая, как душа человека, конечно ниже, не сотворена вместе с телами, но вселена извне, то тем более это нужно сказать о душах живых существ, называемых небесными».

Христианство категорически осуждало астрологию на том основании, что вера в непреложность и силу звѣздного неба, по которой звѣзды являются причиной всего происходящего, исключает Божественный Промысел и свободу воли. Человек оказывается только жалким и слепым орудием происходящего вверху круговращения, которым определяются не только жизнь природного тела, но и душевные помыслы. «Несправедливы затем и сами звѣзды, одних делающие прелюбодеями, других убийцами, и, прежде всего, — Творец их, Бог, снимает с них вину, если Он сотворил их такими, что они по необходимости прогрессивно причиняют нам зло, так что безрассудность их не только сказывается в государственном устройстве, но являет Бога виновником гораздо больших зол, да к тому же и нет возможности оправдать их предположение»⁷. Василий Великий в беседах на Шестоднев так говорит про поклонение звѣздам: «Ибо злоторные звѣзды причину своей злоторности переносят на Творца своего. Если зло им естественно, то Создатель — творец зла»⁸. Астрологическое учение о влиянии звезд на судьбу людей

⁶ Иов 25, 5

⁷ Немезий Эмесский. О природе человека. М., 1998, С. 116.

⁸ Василий Великий. Творения. Ч. 1. М., 1845, С. 108.

уничтожает в основе нравственность и всякую возможность любого нравственного действия:

«Без оума же сѣднє добротѣ четѣще и злѣз казнєще... имѣ же аще и бы хотѣлъ [злодей] дрѣжати рѣкъ си. то не можетъ. не льзе ко є того ѡбѣжати. на дѣло то нѣжда понѣждаючи. поѡстошнѣи же всѣх сѣтъ. и нже кознемъ се кымъ обчетъ и трѣждаютъ. нѣ говиннѣ боѡдетъ ратан. ни сѣмени сѣавъ. ни срѣпа обостривъ. прѣбогатѣютъ же и коѡпць... а великѣ надежде крѣстианскѣ безъ вѣсти намъ погивнѣтъ ни правде чѣтомѣ. ни осѡжаемоѣ грѣхѣ. им же ничесоже своимъ изволениемъ члѣвци не творатъ. иже бо нѣжда и мармени. рекъше родъ дрѣжатъ»⁹.

«безумны тогда судьи чтящие доброту и казнящие зло... потому что если и хотел бы [злодей] удержать свою руку то не смог бы, нельзя ему убежать от этого [зла], на это дело его принуждает необходимость. Суетно все тогда есть, в том числе и искусства, которым учат в трудах. Счастливым будет земледелец ни семени не посеяв, ни серпа изострив. Обогатится же и купец..., а великие надежды христиан [на спасение не сбудутся] суждено нам погибнуть без вести, не учитывая дел правды или осуждения греха. Люди ничего не творят собственной волей, всем рожденным управляют необходимостью и судьба».

Вера во всевластие звезд придает природе фатальную необходимость. Стоики Хрисипп и Филопатор в своём сочинении «О роке» писали, что фатальная установленность — это главное определение природы: воде свойственно быть жидкой, каждому растению дано приносить свой плод, огню сжигать и стремиться вверх, и этим качествам ничто не противодействует из внешних явлений.

Стоики считали, что в определённые промежутки времени происходит восстановление планет в один и тот же математический знак по долготе и широте, в котором каждая планета была в начале появления мира. Как только после определенного периода времени произойдет возвращение планет в свои первоначальные положения, то тогда мир перестает существовать. Звёзды произведут сожжение и разрушение всего существующего. После уничтожения опять произойдет восстановление мира в то же самое предшествующее состояние. Поскольку звёзды снова будут двигаться по небесной сфере одинаковым образом, то неизменно вновь произойдет всё, что уже было в предшествующий период. Уничтожение и восстановление Вселенной происходит с вечным постоянством. Беспредельно и бесконечно восстанавливается одно и то же.

Боги, не подверженные этому разрушению, следят за каждым периодом. Богам открыто всеведение событий, имеющих произойти в последующие обороты времени. Во вселенной ничего нового не бывает по сравнению с прежде бывшим, но всё происходит совершенно одинаково и неизменно, включая микроскопические мелочи.

Звездопоклонники простирают фатальные действия на случайное или возможное, а не на необходимое. Для язычников случайное беспредельно, а беспредельное непознаваемо. «Великие надежды христиан обратятся у нас в ничто, потому что ни праведность не будет почтена, ни грех осуждён, так как люди ничего не делают по собственному произволу. Ибо где господствует необходимость и судьба, там не имеет никакого места воздаяние по достоинству, что и составляет преимущество правосудия»¹⁰. Поэтому есть существенная разница между Провидением и Роком. Провидение сообщает каждому по мере его надобности. И вследствие этого результат избранных человеком действий, сообразно с его пользой, иногда наступает, иногда нет. Фатум же в отличие от Провидения есть непрерывный ряд механических причин, как неизменный порядок и связь.

⁹ Чтение в Обществе истории и древности. 1879, книга 3. Шестоднев, Л. 142, столбец 2 и 3.

¹⁰ Василий Великий. Творения. Ч. 1. М., 1845, СС. 109-110.

Исключительность природной необходимости подразумевает, что с установлением одних и тех же причин, совершенно необходимо, чтобы иногда событие происходило таким образом, что его легко можно было бы рассчитать. Что тогда остается во власти человека? Ведь то, что в нашей власти, должно быть свободным. Человек в обстановке одних и тех же причин может и желать и делать, тем самым нарушая необходимость фатума. В понимании Платона фатум — это мировая душа как сущность. Эта сущность имеет вечное и непреходящее бытие. В сущем с неумолимостью правит неизбежный божественный закон Адрастеи. Адрастея — эпитет Немезиды, богини неизбежного (αδραστος) возмездия.

В христианстве действия Промысла совершаются не по необходимости, но по допущению (εὐσεχεόμενος). Божие дело — это создания бытия вещей и Промышление о них. Детерминированному бытию свойственно движение того, что существует всегда одним и тем же образом. Внутри самодостаточного и определённого бытия действует фатум, устанавливающий, что всякое действие совершалось через него по необходимости.

Освободив человека от рабской зависимости, подчинённости бытию, христианство дало ему возможность за счёт обретенной свободы совершать действия и отвечать за них. Человек из созерцателя и раба превратился в человека действующего и поступающего. Духовный человек уже не зависит от внешних сил, он получает в собственную власть энергии и силы. Он получает возможность совершать действия соответствующие этим силам. Свободная воля дана человеку не для того, «чтобы богатеть, или беднеть, или начальствовать, или вообще — в отношении добродетельных и порочных действий, выборов и движений, в отношении того, противоположное чему мы также в состоянии сделать, так как всякому действию предшествует выбор, и не только действие, но и выбор осуждается»¹¹. Иов многострадальный приносит жертву Богу за мысленные грехи своих детей. Ведь начало греха и праведного действия есть первоначальный духовный выбор: «... Ибо говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем...»¹². За грехи своих детей Иов несёт страшное бремя наказаний. Если бы миром правила справедливая необходимость, то Иов был бы окончательно осуждён на долгую и мучительную смерть в нищете и презрении окружающих. Иову было уготовано лишение детей, истребление всего богатства в одно мгновение и поражение гнойными струпами. Но вера Иова, его внутренний духовный подвиг, вера в Истинного Бога, позволяют ему вырваться из фатального оцепенения и изменить собственную судьбу.

Бог не подчинен необходимости, и невозможно сказать, что Его воля служит необходимости, так как Он есть Творец и необходимости. Сам Бог не только стоит вне всякой необходимости, но есть ее Владыка и Создатель. Будучи всемогущим, Он ничего не делает ни в силу природной необходимости, ни в силу санкции закона, но для него всё возможно, даже необходимое. Чтобы показать, что для Него ничто не совершается по необходимости, но всё допускается в силу свободной власти, Он некогда остановил течение Солнца и Луны¹³, движущихся с необходимостью и всегда находящихся в одинаковом состоянии. Он устроил такой день однажды, как и Писание отметило, чтобы только обнаружить Своё могущество и не нарушить изначально установленного Им закона необходимого течения светил. «И остановилось солнце. И луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: «Стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день?»¹⁴ Смертных и подверженных тлению людей, таких, как пророк Илия и Енох, Господь сохранил в живых в вечности, чтобы люди поняли Божественное могущество и чуждую принудительной необходимости волю. «И ходил Енох пред Богом, и не стало его, потому что Бог взял его... Верую Енох переселен был так, что не видел смерти. И не стало его, потому что Бог переселил его.

¹¹ Немезий Эмесский, С. 129.

¹² Иов, 1, 5.

¹³ Иисус Навин, 10, 13.

¹⁴ Иисус Навин, 10, 13.

Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу»¹⁵. Пророк Илия за свою святость был вознесен на небо в огненной колеснице. «...Вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих [Илию от Елисея], и понесся Илия в вихре на небо»¹⁶.

---

¹⁵ Бытие, 5, 24. Евр. 11, 5.

¹⁶ 4-я книга Царств, 2, 11.